

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П.АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)
Факультет филологический
Выпускающая кафедра современного русского языка и методики

Го На
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: Реализация понятия «терпение» в контексте русской народной культуры (пословицы и поговорки)

Направление подготовки 45.03.02. Лингвистика

Направленность (профиль) образовательной программы Перевод и переводоведение (русский язык как иностранный)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой кандидат филологических наук, доцент
Бебриш Н.Н. _____

Руководитель кандидат филологических наук, доцент
Барилловская А.А _____

Дата защиты _____

Обучающийся Го На _____

Оценка ____

Красноярск

202

Содержание

Введение

ГЛАВА 1

1. Язык и культура

1.1. Взаимодействие языка и культуры

1.2 Русская ментальность. Национальный характер

2. Основы описания «языковой картины мира»

2. 1 Содержание понятия «картина мира»

Типология «картин мира»

2. 2 Понятие «языковая картина мира»

2. 3 Функции языковой картины мира

3. Пословицы и поговорки как объект научного исследования

Выводы по 1 главе

ГЛАВА 2

2.1 Понятие «терпение» и его смысловая эволюция

2.2. Понятие «терпение» в контексте народной культуры (пословицы и поговорки)

Заключение

Введение

Язык как феномен национальной культуры является постоянным объектом внимания современных специалистов [см.: В. В. Колесов, А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, В. А. Маслова, Н. К. Фролов, А. Д. Васильев, Р. А. Будагов, Е. В. Лукашевич и др.]. Факты языка и феномены культуры зачастую не поддаются строгому и окончательному разграничению: изменения в собственно культурной сфере воплощаются в языке – а языковые эволюции активно участвуют в культурных процессах и влияют на них.

Язык выступает в качестве основного средства социокода – главной знаковой реалии культуры. Он призван поддерживать стабильность массива знания, мира деятельности и институтов общения. Важнейшим (в том числе – и с культурологической точки зрения) уровнем языковой системы является лексика, которая отражает и запечатлевает окружающую человека действительность, его внутренний мир и может стимулировать поведение носителей языка. Словарный состав национального языка фиксирует и передает от поколения к поколению специфику этносоциокультурных норм, поддерживая таким образом преемственность и устойчивость этнического менталитета. Изучая особенности словоупотребления, можно диагностировать состояние духовного здоровья этноса и в какой-то мере даже прогнозировать его эволюцию – при условии адекватной оценки фактов, последовательной их регистрации и установления векторов динамики [Васильев 2000:3].

Национальный менталитет проявляется в отражении особенностей быта, обычаев, истории и культуры, главным образом в строевых его

единицах, к числу которых мы относим пословицы и поговорки. Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение. В пословицах и поговорках выражается свойственный народу склад ума, способ суждения, особенность воззрения; в них проявляются быт и обиход, дух и характер, нравы и обычаи, верования и суеверия.

Пословицы и поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой. На эту тему написано много научных трудов.

Актуальность нашей работы заключается в анализе русских пословиц и поговорок.

Целью данной работы является выявление особенностей национального менталитета, зафиксированных в русских пословицах и поговорках.

Цель работы предопределила следующие задачи:

1. Изучить научную литературу, содержащую необходимые сведения по интерпретации пословиц и поговорок.
2. Дать определение понятия менталитет народа.
3. Охарактеризовать принципы классификации пословиц и поговорок русского языка.

Объектом работы послужили русские пословицы и поговорки (источники материала: В.И. Даль Пословицы русского народа; Русские пословицы и поговорки под ред. В.П. Аникина; Словарь современных английских и русских пословиц и поговорок).

Предметом исследования является лингвокультурологическое содержание пословиц и поговорок в русском языке.

Методологическим основанием работы послужили фундаментальные труды С.Г. Тер-Минасовой, В.Н. Телии, В.Л. Масловой, В.И. Даля, В.П. Аникина, Г.А. Пермякова, А.Т. Хроленко, В.В. Колесова и др.

Методы исследования: избран комплекс взаимодополняющих методов исследования: теоретический анализ литературы, наблюдение, описание, лингвострановедческий метод, сравнительно-сопоставительный метод.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что результаты работы демонстрируют специфическое лингвокультурологическое наполнение пословиц и поговорок в русском языке.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов данного исследования при изучении таких вузовских курсов, как «Фразеология русского языка», «Сравнительная лингвистика».

Структура исследования. Работа состоит из введения; двух глав; заключения; списка использованных источников, включающего 21 наименование.

Глава 1

§ 1. Язык и культура

1.1 Взаимодействие языка и культуры

Язык как феномен национальной культуры издавна является постоянным объектом внимания и исследования как лингвистов [прошлого], так и современных специалистов [см.: Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, В. А. Маслова, В. В. Колесов, Н. К. Фролов, Р. А. Будагов, А. Д. Васильев, Е. В. Лукашевич и др]. В поисках решения проблем, связанных с соотношениями языка и культуры, наметилось несколько подходов. При одном из них, который разрабатывается

философами такими, как С. А. Атановский, Г. А. Брутян, Э. С. Маркарян, приоритет отдается одностороннему влиянию культуры на язык: с изменением действительности меняются культурно-национальные стереотипы и сам язык [Маслова 1997: 34]. С позиций иного подхода рассматривается воздействие языка на культуру, что кажется, пока, еще считается довольно дискуссионным. На основе понимания языка как духовной силы (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня) была выдвинута гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой каждый народ видит мир сквозь призму родного языка, отражая действительность в «языковой картине мира». Дальнейшую разработку эта гипотеза получила в трудах Й.-Л. Вайсгербера, который понимает язык как «промежуточный мир», стоящий между объективной действительностью и сознанием, и определяет язык как «миросозидание» (цит. по: [Радченко 1998]). Третий известный подход основан на идее взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Язык – составная часть культуры, главный инструмент ее усвоения, это действительность нашего духа. Язык выражает специфические черты национальной ментальности [Маслова 1997: 35, 37]. Так, К. Леви-Стросс считал, что язык и культура являются двумя параллельными разновидностями деятельности, относящейся к более глубокому слою. Язык – продукт культуры, часть культуры и усвоение культуры. Именно с помощью языка индивид обретает культуру своей группы. Язык – фундамент, предназначенный для установления на его основе структур, иногда и более сложных, но аналогичного ему типа, соответствующих культуре, рассматриваемой в ее различных аспектах [Леви-Стросс 1985]. Н. И. Толстой указывал на глубокую взаимосвязь языка и культуры: «Язык – компонент и орудие культуры, это естественный субстрат культуры, пронизывающий все ее стороны, служащий инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировоззрения» [Толстой 1995: 32]. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры или в

сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом [Толстой 1991: 6]. Г. П. Нецименко считает оба феномена – язык и культуру – автономными, но вместе с тем тесно взаимодействующими знаковыми системами, соотнесенными с мышлением и коммуникацией. «...Оба феномена соотнесены с мышлением и соответственно через эту связь соединены опосредованно друг с другом. Материализуя общественное сознание, языковая знаковая система является носителем, а следовательно, хранителем информации, т. е. тех или иных понятий и суждений об окружающем мире» [Язык. Культура. Этнос. 1994: 30].

Отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры [Толстой 1991: 6]. Среди обилия дефиниций понятия «культура» наиболее удачны, на наш взгляд, содержащие косвенные или прямые указания на значимость языка. Если определять культуру как совокупность ненаследственной информации, способов ее организации и хранения разнообразными человеческими коллективами [Лотман 1970 : 5-6], то историю культуры можно представить как динамику самосознания культуры, в той или иной степени объясняющую соответствующее изменение нормативных установок [Лотман, Успенский 1977 : 3]. Поскольку культура испытывает постоянную потребность в самоописании, удовлетворяемую прежде всего языковыми средствами, то справедливо суждение о том, что «рассматривать язык в отвлечении от культуры – значит не понимать язык. Рассматривать культуру в отвлечении от языка – значит не понимать сущность культуры» [Бураго 1992 : 9].

Нужно иметь в виду и ещё одно немаловажное обстоятельство в истории современной лингвистики: она вовлекла в сферу своих исследований текст как нечто семиотически целостное и законченное. Теперь, когда лингвистика начинает осваивать текст наряду с такими привычными для неё объектами (единицами), как слово и предложение, перед ней открываются

возможности более основательно решать проблему «язык и культура». Связано это с тем, что текст можно рассматривать как произведение, как нечто сконструированное, специально созданное человеком. Но и культура характеризуется этим же свойством – быть произведением. Произведение культуры, правда, вовсе не обязательно должно быть семиотическим по форме. Оно может быть материализовано в виде какой-либо практически значимой вещи – артефакта, который используется обществом вне зависимости от процессов коммуникации. Речь идёт о так называемой материальной культуре. Но материальная культура потому и называется культурой, что в основе её лежит духовная культура, ибо каждый артефакт есть плод человеческой мысли, ему всегда предшествует знаковая, духовная деятельность. Поэтому-то можно утверждать, что культура вообще существует в форме текстов – знаковых произведений духовной деятельности человека. Следует подчеркнуть, что текст есть формальная единица культуры; культура «разлагается» на тексты, состоит из текстов, хотя качественно и не сводится к ним [Мурзин 1994: 161]. Таким образом, внутри самой лингвистики назрели условия, способствующие тому, чтобы теоретично и вместе с тем конкретно заново ставить и по-новому решать данную проблему. Ещё совсем недавно, говоря о языке и культуре, нередко ограничивались либо отдельными наблюдениями над тем, как язык воздействует на социум и отражает в себе те или иные социально-культурные категории, либо вопросами так называемой культуры речи, то есть оставались в пределах языка как такового. Теперь же есть возможность проложить достаточно надёжный путь от языка к культуре, увидеть в последней не просто объект одной из смежных наук, но и нечто большее – феномен, без рассмотрения которого сам язык не может быть осмыслен глубоко и полно. Поэтому обращение лингвиста к культуре закономерно. Оно необходимо не только потому, что принесёт известную пользу для познания определённой стороны духовной деятельности человека. Оно необходимо самой лингвистике как науке для её внутреннего развития, для

осмысления или переосмысления собственного объекта исследования – языка [Мурзин 1994: 162].

Исследования культуры имеют глубокие философские корни. С изменением подходов к пониманию культурного феномена в каждую эпоху значение термина менялось. Если в основе античного понимания культуры лежало признание безличного абсолюта, которым выступал «божественный строй вещей», а средневековая культура осознаёт себя в постоянном стремлении к самосовершенствованию, то в новое время это понятие разрабатывается в контексте философского рассмотрения вопросов познания и метода, рационального устройства общества и т. д., постепенно перемещаясь в центр философских интересов [Драч 1997]. В XX веке, когда фокусируется внимание на человеке как субъекте деятельности и общения, на его творческой активности и самодеятельности, появляются попытки реализации все более осознаваемой потребности и возможности межпредметного исследования культуры. Понимание взаимодействия языка, культуры и этноса образует основную научную парадигму антропологической школы изучения культуры, отечественная традиция которой создана работами В. Я. Проппа, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана. Это совокупность социально приобретенных и транслируемых из поколения в поколение значимых символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность [Хоруженко 1997: 228].

В границах лингвокультурологии, комплексной научной дисциплины, изучающей взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающей этот процесс как целостную структуру его составляющих в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания [Воробьев 1994: 36], культура определяется как коллективный, общественный феномен, то есть явление, социальное по своей сути. Такое

понимание позволяет рассматривать и язык, и культуру как феномены одного порядка.

Первые подходы к осмыслению фундаментальной роли языка в процессе формирования этнического опыта и мировосприятия принадлежат В. фон Гумбольдту, идеи которого о конституирующем предназначении языка в отношении национальной культуры и мировосприятия легли в основу трудов многих ученых. «Ведь лишь оно [своеобразие национального духа], каким его создала природа и сформировали обстоятельства, определяет собою национальный характер, только на этом последнем основано все творческое в истории нации... Язык есть орган внутреннего бытия, ...он всеми тончайшими нитями сросся с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем стройном сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации... Среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в его тайны» [Гумбольдт 1984: 47-69]. «Язык – это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них одинаковую энергию» [Гумбольдт 1985: 349].

1.2 Русская ментальность. Национальный характер.

Все исследования в области лингвокультурологии можно свести к двум основным направлениям [Воробьев 1996: 5]:

- 1) вопросы этнолингвистики, рассматривающей язык в его отношении к культуре, взаимодействие языка, этнокультурных и этнопсихолингвистических факторов;
- 2) широкий круг вопросов теоретического и прикладного лингвострановедения.

Таким образом, задача лингвокультурологического исследования – изучать и описывать данные национального языка как часть нормативной и ценностной систем определенной национальной культуры таким образом, чтобы выявить национальную культурную суть народа, описать национально-значимые категории, аккумулированные в языке. Для этого необходимо обратиться к таким понятиям, как ментальность, этничность, менталитет, национальный стереотип. Несомненно, интерес к ним специалистов национальных духовных ценностей обострился в последние годы, что вызвано во многом изменениями общественно-политического характера.

Надо заметить, существует мнение, что четкого определения термина *национальный характер* быть не может (например, [Кустова 1998]). Объяснение, представленное в словаре Брокгауза и Ефрона, лишь подчеркивает многогранность и сложность этого понятия: «...нечто настолько трудноуловимое, настолько неясное и неопределенное, что только с большим натяжением можно класть в основу различия» (там же; 122). Научное осмысление этого термина представляет собой большие трудности, так как требует обращения к данным самых разных наук – биологии, истории, географии, этнографии, языкознанию, психологии и др.

Понятия «национальный характер» и «национальный менталитет» близки по своей сущности, так как соотносятся с определенной этнической группой, связаны с психическим складом, формирующим нацию. Однако «национальный характер проявляется прежде всего в темпераменте народа, его эмоциональном поведении, тогда как менталитет какой-либо социокультурной общности характеризует более способности мышления и интеллектуальный уровень его носителей, имея, кроме того, оценочный оттенок» [Куликова 1998: 415].

Понятия *ментальность* и *менталитет* трактуются по-разному. Представление теории ментальности описывается в двух направлениях, в зависимости от того, учитывается или не учитывается фактор языка. Анализ

определений, исключаящих проблему языка, позволил В. В. Колесову высказать мнение о том, что понимание ментальности как «психофизической социальной силы, почти brutally сосредоточенной в социальном организме народа» [Колесов 1999:80] приводит к односторонним, иногда исключительно отрицательным характеристикам, например, русской ментальности. Ментальность от латинского слова *mentalis* (умственный, рассудочный) означает образ мыслей, народный характер, или (более узко) один из элементов национальной культуры. Путаница в определении ментальности также вполне намеренна; иногда под этими определениями пытаются скрыть существенные признаки явления: говорят о мыслительных стереотипах, представлениях онтологического характера, совокупности символов, обретающихся в границах данной культуры, об уровне индивидуального и общественного сознания, о неосознанных идеях, образующих национальную картину мира, нечто общее, глубинно эмоциональное, дополитические формы мышления – веры, чувства, эмоции, и т. д. Все эти определения не отвечают на главный вопрос: какова материальная основа национальной ментальности (не знающей классовых разграничений), что именно является носителем народной ментальности. По-видимому, так легче бороться с народным самосознанием, преодолевая инерционную силу многовекового его бытования в народе. Сконструировав свое представление о ментальности и обозначив ее термином, целому народу приписывают самые невероятные свойства и особенности характера.

Ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах родного языка. Язык воплощает национальный характер, национальную идею и идеалы, поэтому ментальность можно определить как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (там же). Ментальность определяет мировоззренческую структуру сознания, те

глубинные формы мирозерцания, которых определяются категориями и формами родного языка. Этимологически связанное с латинским словом *mens, mentis* («мышление; образ мыслей, душевный склад», даже «сознание» или «совесть»), это понятие постоянно расширяло свой смысл в соответствии с исходными значениями латинского слова, постепенно насыщаясь символическими значениями; парадокс современной культуры в том и состоит, что наиболее точные понятия в терминах своих оборачиваются символами самого возвышенного содержания [Колесов 1999: 138]. Уже сам термин показывает глубокую зависимость русской ментальности от того типа «средиземноморской культуры» (как ее назвал А. А. Потебня), которая сложилась на основе ментализации варварских языков Европы со стороны христиански ориентированной античной культуры; разница лишь в том, греческая или латинская цивилизация стала привоем на плодоносном древе германских или славянских племен. Православие стало славянской рецепцией христианской доктрины, и многие принципы русской ментальности восходят к этому корню. Поскольку наш научный интерес лежит в области русской ментальности, вслед за В. В. Колесовым определим последнюю как мирозерцание в формах русского языка в его типичных проявлениях. Изучение конкретного национально значимого понятия как единицы ментальности должно опираться на лингвистические и, шире, гуманитарно-филологические основания. «Развитие русской ментальности исторически строится таким образом, что она постоянно находится в конфронтации с инородными по происхождению и функции системами, тем самым восполняя себя до объективной цельности. Именно в этой особенности национального сознания и следует видеть объяснение его силы, динамизма, открытости и толерантности» [Колесов 1999: 115]. Менталитет, который можно поставить в ряд с такими понятиями, как самосознание нации, выражение ее психических особенностей, совокупность традиций и культурно-нравственных ценностей нации, является более общим понятием. «Менталитет – это национальный способ видеть мир и действовать

(когнитивно и прагматически) в определенных обстоятельствах» [Колесов 1991: 106].

Развитие русской ментальности исторически строится таким образом, что она постоянно находится в конфронтации с инородными по происхождению и функции системами, тем самым восполняя себя до объективной цельности. Именно в этой особенности национального сознания и следует видеть объяснение его силы, динамизма, открытости и толерантности.

Работы Н. В. Бердяева, И. А. Ильина, Н. С. Трубецкого, В. И. Ламанского, Н. С. Лосского, В. В. Розанова, М. Волошина, Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, О. В. Черновой, К. О. Касьяновой в той или иной мере посвящены определению эксплицируемых черт ментальности, устойчивых на протяжении наблюдаемого времени, выявлению динамики и хронологии процессов становления (обретения) и смены приоритетов. На основании этого формируется синтетическое лингвоцентричное описание картины мира.

Историческая судьба русского народа была далеко не самой счастливой. Россия сформировалась на евразийском пространстве, вобрав в себя первобытное славянское язычество, византийский аскетизм, русифицированное христианское православие, тюркско-угорское устремление к естественно-природной стихии, свободолюбие, соборность, коллективизм, гуманность, доброжелательность и терпимость к другим народам [Бердяев 1994]. Для католического эгоистического Запада русский народ – это сильный и жестокий, умный, гордый, но сострадательный, анархичный и темный, православный и исламский евразиец.

В отличие, например, от француза, русский человек прост и естествен, вечно оглядывающийся на себя и смотрящий вслед себе [Розанов 1990: 191].

Личностный образ русского человека обычно характеризуется самодостаточностью в оценке своей национальности, нравственных устоев, языка, уважением к памяти предков. Примечательными чертами русской

личности, как правило, контактирующие этносы считают коллективизм, настойчивость и целостность в решении национальных программ, непопулярность культа материального, так как исторически русский человек в своем бытии был нестяжателен и добр, совестлив и терпелив, скромн, но горд, ибо в своем языковом сознании он чтит и сохраняет за собой право быть лидером среди сильных, творчески одаренных, выносливых, духовно богатых народов, о чем постоянно сигнализируют резкие эмоциональные оценки неудачных выступлений спортсменов, участников разных олимпиад и конкурсов.

Социальные эксперименты специальных учреждений, анкеты СМИ при всей условности результатов опросов дают возможность проследить следующие позитивные и негативные качества русской личности в том числе: со знаком плюс (в порядке убывания) – 1) доброжелательность, 2) отзывчивость, 3) душевность, 4) терпеливость, 5) гостеприимство, 6) верность обещанию, 7) смелость, 8) мудрость, 9) патриотизм, 10) трудолюбие; стереотипы десяти черт со знаком минус: 1) неприятие нудной конвейерной работы, 2) неторопливость в оперативной трудовой деятельности, 3) беспечность и безразличие, 4) развязность в пьяной компании, 5) безропотность и покорность перед властью, 6) неверие к обещаниям власть имущих, 7) неуверенность в завтрашнем дне, 8) тоска и безысходность, 9) неуместная придирчивость, 10) надежда на «авось».

Русский человек в зависимости от ситуации в своем поведении добр и нагл, милосерден и безразличен, сострадателен и нежалостлив. В его ментальности сочетаются трудолюбие и лень, ответственность и халатность, бесхитрость и четкий прогноз, общинность и разобщенность, гордость и покорность. Ядерными вербальными детерминативами русского менталитета, если обобщить суждения выдающихся отечественных мыслителей, являются очевидные для русского сознания понятия: дом, семья, дети, любовь, труд, мир, отчизна, воля, свобода, равенство, надежда,

порядок, порядочность, патриотизм, коллективизм, сила, удасть, героизм, достоинство, профессионализм, оказание помощи бедному, прогресс.

Для раздумий о менталитете русской языковой личности интерес представляют данные частотных словарей, в которых ведущими оказались такие вербальные лексемы, как *дом, жизнь, терпение, день, любовь, работа, вода, мир, радость, дело, дорога*, в том числе оценочная лексика: *плохо, хорошо, много, быстро, большой, хороший, умный, сильный*; глаголы – *говорить, думать, жить* [Уфимцева 1998: 159].

Русский человек как личность вызывает неоднозначные оценки. Нелюбовь к России, всему русскому можно связать с завистью к русским просторам, природным богатствам, к щедрости души, общинности, успехам в спорте, достижениям в науке, литературе, искусстве. Осуждениям подвергаются гуманизм и гражданственность, правдолюбие и честность, патриотический национализм и толерантность.

Все эти особенности феноменальной русской личности объективно отражают совокупность этнических качеств славяноросса, которые легко обнаруживаются в его коммуникативном поведении, индивидуальных чертах характера, вкладе в становление, стабилизацию и развитие евразийской и мировой цивилизаций [Фролов 2006].

Следует особо подчеркнуть, что русскому менталитету в высшей степени присуща способность верования. Вера свойственна всякому нормальному человеку, как будущее – его сознанию. Парадоксальность русского характера на протяжении многих веков заключалась в том, что чем тяжелее было настоящее, тем крепче была вера в будущее. Историческая необходимость принять сильную и насильственную власть заставила российскую ментальность укрепиться особым образом. Традиция терпения, воспитанная веками, имеет в основе своей принятие несвободы внешней и противостояние ей через внутреннюю твердость. Ключевым и спасительным для русского народа было христианское принятие страдания как должного, стоическое отношение к нему. Подчинение внешнему всегда представлялось

неизбежностью, поэтому внутреннего достоинства достигал лишь тот, кто **умел терпеть, смиряться, но выстаивать.**

Выразительно подчеркнул особенность русского менталитета Н. А. Бердяев: «Два противоположных начала легли в основу формирования русской души: природная, языческая дионисийская стихия и аскетически монашеское православие. Можно найти противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность, жестокость, терпение, человечность, смирение и наглость; склонность к насилию и доброта; искание Бога и воинствующее безбожие; рабство и бунт» [Бердяев 1992: 23]. Поэтому одновременно невозможно для российского характера простое соединение свободы и покорности: нельзя склонить голову в поклоне и одновременно расправить плечи.

Для России оказался не закрыт исторически проложенный путь соединения особенного внутреннего достоинства и предзаданности внешней судьбы. И для понимания этого соединения необходимо глубже заглянуть в сердцевину русского национального характера.

Вера, отзывчивость, любовь. Вероятно, эти широкие, никогда не измеримые просторы и были источником той внутренней силы, дававшей **терпение – психическое качество, сама суть которого есть продление силы во времени.**

§ 2. Основы описания «языковой картины мира»

2. 1 Содержание понятия «картина мира».

Типология «картин мира»

Термин «картина мира» появляется в конце XIX века в рамках физики. Длительное время картина мира связывалась с научным познанием и отождествлялась с научной картиной мира, которая трактовалась как структурный элемент системы научного знания. Картиной мира называлась «система наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью фундаментальных понятий и принципов этой

науки» [Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира 1988, 14]. В дальнейшем термин «картина мира» стал широко применяться в гуманитарных дисциплинах, и, в частности, в лингвистике.

Феномен видения мира как картины и именно научного видения описывается М. Хайдеггером в работе «Время картины мира» [Хайдеггер 1986].

В настоящее время в научной литературе используется несколько дефиниций «картины мира»: «непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [Павиленис 1983: 280]; «совокупность мировоззренческих знаний о мире» [Краткий философский словарь 1994:201]; «система интуитивных представлений о реальности» [Руднев 1997 :135] и другие. Все определения объединяет философская ориентация на представление картины мира как субъективного образа объективного мира. Кроме того, в дефинициях выделяются в качестве обязательных два компонента: мировидение (видение мира, сумма представлений о мире, знания о мире, образ мира и т. п.) и деятельностная природа картины мира (познавательная деятельность человека, духовная активность, опыт человека и т. п.).

В нашем исследовании под картиной мира, вслед за В. И. Постоваловой, мы будем понимать «целостный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 21].

Типология картин мира может быть построена на основе разных критериев. Так, исходя из степени обобщения, выделяются:

- 1) картина мира, общая для целой нации;
- 2) картина мира какой-либо социальной группы;
- 3) картина мира отдельной личности [Руднев 1997: 127].

Все эти картины мира, несомненно, связаны между собой: картина мира отдельной личности входит в картину мира социальной группы, а та, в свою очередь, входит в картину мира нации. Национальная картина мира опосредована языком, данной нации и её культурой и традициями – и в языке же воплощается.

Типология картин мира может быть построена исходя из разновидностей духовной культуры. Например, В. П. Даниленко и Л. В. Даниленко на основе шести сфер духовной культуры – религия, наука, искусство, нравственность, политика и художественная литература – выделяют шесть базовых разновидностей картины мира – 1) религиозную (мифологическую), 2) научную, 3) эстетическую, 4) этическую, 5) политическую и 6) художественную [Даниленко, Даниленко, 2002]. В рамках этих шести общих картин выделяются также частные картины мира. Так, например, в религиозно-мифологической картине мира выделяется христианская, мусульманская, индийская (ведизм, брахманизм, индуизм, буддизм), древнегреческая, древнегерманская, древнеславянская и др. картины мира [Там же]. Таким образом, в настоящее время мы можем говорить о множественности картин мира.

О. А. Корнилов предлагает типологию картин мира, исходя из «разных видов сознания», утверждая, что «результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания» [Корнилов 2003: 4]. Таким образом, этим автором выделяются:

- 1) научная картина мира, формируемая коллективным научным сознанием;
- 2) национальная научная картина мира (научная картина мира, запечатленная в терминосистемах того или иного национального языка), формируемая национальным научным сознанием;
- 3) языковая картина мира, формируемая обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества;

4) национальная языковая картина мира, формируемая обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса;

5) индивидуальная национальная языковая картина мира, формируемая обыденным (языковым) сознанием отдельного человека [Корнилов 2003: 112-113].

На наш взгляд, релевантным здесь является выделение и противопоставление лишь научной и языковой картин мира. «Научная картина мира – это вся совокупность научных знаний о мире, выработанная всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [Корнилов 2003:19]. Научная картина мира и языковая картина мира сосуществуют параллельно, хотя и влияя друг на друга, но сохраняя свое принципиальное различие – они сформированы разными типами сознания и имеют различные функции.

Традиционно противопоставляют также концептуальную и языковую картины мира. Сердцевиной концептуальной картины мира является информация, данная в понятиях, главное же в языковой картине мира – это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков. При этом концептуальная картина мира богаче языковой, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления [Брутян 1976]. Остановимся на более детальном анализе содержания термина «языковая картина мира».

2. 2 Понятие «языковая картина мира»

Понятие «языковая картина мира» восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Л. Вайсгербер и Л. Витгенштейн), к идеям американской этнолингвистики, в частности, так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

По Гумбольдту, каждый язык имеет свою внутреннюю форму – систему понятийных и синтаксических возможностей языка, являющихся ключом к

миропониманию и основой различий в мышлении говорящих на разных языках людей. «Человек живет с предметами так, как их преподносит ему язык... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1984: 80].

В отечественной лингвистике сходные идеи развивал А. А. Потебня. Он ввел понятие «внутренняя форма слова», под которым понимал «отношение содержания мысли к сознанию» [Потебня 1989 : 98]. Внутренняя форма слова – это его «ближайшее этимологическое значение», осознаваемое носителями языка (например, у слова *стол* сохраняется образная связь со словом *стлать*). По мнению А. А. Потебни, ближайшее значение общенародно, одинаково для всех членов коллектива, носителей того или иного языка. Объективность ближайшего значения обусловлена, с одной стороны, тем, что оно является лишь «схемой», «формой понятия», «формой мысли», а с другой стороны, тем, что говорящий и слушающий, участвующие в речевом процессе, принадлежат одному народу. Исторически внутренняя форма служит основой наименования предмета или явления. Она имеет определенное значение в момент возникновения слова (например, слово «голубь» образовано от слова «голубой»), однако в дальнейшей жизни слова она может не играть существенной роли [Потебня 1989].

Термин «языковая картина мира» (*Weltbild der Sprache*) ввел в широкий научный оборот ученик и последователь Гумбольдта Лео Вайсгербер. По его мнению, «словарный запас конкретного языка включает в себя вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, он овладевает этими мыслительными средствами. Таким образом, язык содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер 1993:250]. Большой вклад в становление понятия «языковая картина мира» был внесен Э. Сепиром и Б. Уорфом. Их концепция языковой относительности

заключается в том, что структура языка определяет структуру мышления, язык полностью определяет мировоззрение его носителей [Сепир 1993; Уорф 1960].

Активное употребление термина «языковая картина мира» в современной лингвистической науке связано, прежде всего, с попыткой «материализовать культурно-философскую ипостась языка и представить его не как знаковую систему и орудие общения и познания, но как «дом духа» народа, в котором запечатлены и национальный характер, и национальное мировоззрение в широком понимании этого слова, и конкретные факты истории и культуры народа» [Корнилов 2003 :139].

Современные ученые понимают под языковой картиной мира также «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 21]; «отраженное в категориях (отчасти и в формах) языка представление данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности» [Азимов, Щукин 1999: 406]; «отображенную в специфически национальных языковых формах и семантике языковых выражений совокупность представлений человека об окружающем его мире» [Караулов 2002: 24]; «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества» [Корнилов 2003: 112].

В нашей работе мы, вслед за Е. С. Яковлевой, под языковой картиной мира будем понимать «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [Яковлева 1996: 47].

Мы присоединяемся к О. А. Корнилову, который полагает, что «языковую картину мира составляет все содержание того или иного языка, а не только специфические черты его семантики, особенности его внутренних форм» [Корнилов 2003: 92].

На наш взгляд, одним из главных свойств языковой картины мира является то, что она не копирует, а отображает действительность, [причём] избирательно некоторые её свойства при этом не берутся во внимание, а остаются и фиксируются в языке только безусловно значимые, значимые для определенного языкового коллектива. В этом и состоит национальная специфика языковой картины мира и ее антропоцентричность.

Ю. Д. Апресян называет языковую картину мира «наивной»: она наивна в том смысле, что «во многих существенных деталях существенно отличается от научной картины мира» [Апресян 1995а: 39]. По мнению Е. С. Кубряковой, в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами мира стала менее отчетливой, «в сознании современного человека они причудливо и прихотливо сплетаются, образуя целостный взгляд на мир» [Кубрякова 1999: 9].

Языковую картину мира можно рассматривать сквозь призму словообразования, как это делает Т. И. Вендина. Она выясняет, как происходит членение лексических участков языка с помощью словообразовательных средств, какие семантические признаки предметов и явлений внешнего мира актуализируются в словообразовательном акте и какие словообразовательные средства используются при этом [Вендина 1998].

Вслед за Е. С. Яковлевой, мы полагаем, что языковая картина мира – это не статика, а динамика. К ней нужно подходить как к процессу. Какие-то фрагменты языковой картины мира с течением времени выявляются, проясняются, а какие-то, наоборот, затемняются [Яковлева 1996 : 48].

Языковая картина мира отчасти универсальна, отчасти национально специфична. Наибольшими «мировоззренческими» возможностями обладает лексическая система языка. Вот почему образ языковой картины мира выглядит по преимуществу как система лексических полей.

Описание языковой картины мира составляет одну из важнейших задач лингвокультурологии. Для того, чтобы адекватно представить

языковую картину мира (родного или иностранного языка), необходимо отстранение исследователя – умение взглянуть, в частности, на родной язык со стороны и рассматривать привычную «языковую организацию мира» не как нечто само собой разумеющееся и естественное, а как один из возможных способов видения мира [Корнилов 2003].

Исследование языковой картины мира может вестись в двух направлениях [Апресян 1995а: 38]:

- 1) с одной стороны, исследуются отдельные, характерные для данного языка концепты, а также специфические коннотации неспецифических концептов (например, работы С. Г. Воркачева (2004), Н. В. Дорофеевой (2002));
- 2) с другой стороны, ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного «наивного», донаучного взгляда на мир (например, работы Н. Д. Арутюновой (1998), А. Вежбицкой (1999), Е. В. Рахилиной (2000), Е. В. Урысон (2003), А. Д. Шмелева (2002)).

Концепт *терпение* отражает некоторые универсальные представления, так как лежит в основе общего освоения человеком действительности, но в то же время он отличается национально-культурным своеобразием конкретного языкового воплощения, поэтому содержит некоторые специфичные представления носителей русского языка.

В завершение характеристики понятия «языковая картина мира» необходимо рассмотреть функции феномена языковой картины мира.

2. 3 Функции языковой картины мира.

Исследователи выделяют следующие функции языковой картины мира:

- 1) интерпретативная, осуществляющая видение мира;
- 2) регулятивная, служащая ориентиром в мире, являющаяся универсальным ориентиром человеческой деятельности, позволяющая людям понимать друг друга, осуществлять коммуникацию;

3) функция концептуализации и категоризации [Роль человеческого фактора в языке 1988: 21].

Рассмотрим подробнее процессы категоризации и концептуализации.

«Категоризация – процесс образования и выделения категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений, а также результат классификационной деятельности» [Кубрякова 1996: 42]. Иными словами, это «соотнесение с категориями языковых единиц, отражающих наиболее обобщенные знания человека об устройстве, упорядоченности мира [Токарев 2003: 23].

Категоризирующая деятельность языкового сознания описывается в работах Н. Н. Болдырева (1990, 2001), когнитивные аспекты языковой категоризации рассматриваются в монографии А. В. Кравченко (1996).

Полученные ранее результаты когнитивных исследований в области категоризации обобщены в работе Дж. Лакоффа (Lakoff 1987). Основным положением предлагаемой Лакоффом теории является представление о том, что разделение на категории не существует а priori в предметном мире. «Категоризация является результатом мыслительной деятельности человека, и таким образом, изучая категории, которые реально существуют только в языке, мы получаем уникальную возможность проникнуть в суть закономерностей человеческого мышления» [Lakoff 1987: 3].

Изучение процесса категоризации приводит Лакоффа к выводу о том, что мышление организует знание посредством особых структур, которые он называет «идеализированными когнитивными моделями. Это все наши представления об объекте сразу, в целом, некий синкретичный, нерасчлененный образ. Идеализированные когнитивные модели накладываются на некоторое мыслительное пространство, передавая ему заложенную в моделях структуризацию. Такой процесс и называется категоризацией [Lakoff 1987].

В традициях отечественной лингвистики вместо термина «идеализированная когнитивная модель» используется термин «концепт» [Рахилина 2000 : 74], а классификационная деятельность сознания чаще всего называется «концептуализацией».

«Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Кубрякова 1996: 92].

Особым продуктом концептуализации может быть «культурное знание», то есть знание, аксиологически релевантное для той или иной лингвокультурной общности [Красных 2000: 50].

Языковая концептуализация мира рассматривается, например, в работе Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелёва (1997).

Языковая концептуализация как совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц различна в разных культурах [Вежбицкая 1996: 238]. В акте концептуализации принципиальное значение имеет осуществленный субъектом акт выбора релевантного признака, по которому осуществляется номинация. Так, например, русское слово *береза* образовано от основы *bhereg - светлый, белый; немецкое слово *Fuchs* (лисица) происходит от корня *ruk – волосатый, лохматый, ср. русское пух, пушной [Серебренников 1988].

Для нашей работы важно то, что в результате процесса концептуализации формируется особая единица – концепт, который является объектом нашего исследования.

§ 3. Пословицы и поговорки как объект научного исследования

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного

народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа.

Пословица есть кратко и точно сформулированный итог долгого опыта, итог впитывания прошедшего.

Пословицы и поговорки сопровождают людей с давних времен. Такие выразительные средства, как точная рифма, простая форма, краткость сделали пословицы и поговорки стойкими, запоминаемыми и необходимыми в речи.

Пословицы и поговорки возникли в далекое время и уходят своими корнями вглубь веков. Многие из них появились еще тогда, когда не было письменности. Поэтому правильнее будет сказать, что пословицы и поговорки имеют народное происхождение, что их первоисточник находится в коллективном разуме народа.

А.Н. Афанасьев писал, что «пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений. Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [6, 15].

На принадлежность пословицы именно к сфере фольклора указывает устный характер передачи этих единиц. Уже в самом своем названии пословица содержит непосредственное указание на отношение к устной речи. В. И. Даль рассматривает пословицу как продукт исключительно народной среды общения: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет, в образованном и просвещенном обществе пословицы нет. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть, из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз» [15, 10].

Пословицы и поговорки, являясь частью культуры данного народа, всегда оставались и останутся актуальными. В любое время пословицы и

поговорки будут характерной чертой данного народа, объектом внимания и исследования.

Тенденцию исследования пословично-поговорочного фонда как своеобразного хранилища сведений о народной жизни, некоего зеркала, отражающего не только быт, но и историю, верования, обычаи, обряды русского народа, можно проследить по работам учёных именно XIX в. – И.М. Снегирёва, П. Рыбникова, Ф.И. Буслаева, И.Д. Белова и др.

Наряду с фольклористским, литературоведческим, собственно лингвистическим подходами к исследованию пословиц и поговорок в XX в. возник еще один, лингвокультурологический. Пословицы и поговорки оказались интересны исследователям в аспекте воплощения в них как устойчивых фраз народная психологии и философии, того, что В.Гумбольдт в своё время назвал народным духом, духовной самобытностью.

«В основе лингвокультурологии лежит изучение кумулятивной (накопительной) функции языка, в которой язык выступает как хранилище и средство передачи внеязыкового коллективного опыта, а наиболее ярко они проявляются в пословицах и поговорках» [31, 108].

Постановка проблемы исследования пословиц и поговорок в лингвокультурологическом аспекте стала возможной в связи со становлением теории лингвострановедения, введением понятия культурный компонент значения, которое представлено в работе Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова [10, 25].

Лингвокультурологический анализ пословиц и поговорок неразрывно связан с внешними факторами: с историей страны, ее культурой, бытом и т.д. Исследование пословиц и поговорок в лингвострановедческом аспекте, помогает уточнить, а в ряде случаев установить дополнительные смысловые оттенки пословиц с национально-культурной семантикой.

Между тем, учитывая, что пословицы и поговорки заключают в себе свод народной опытной премудрости, имеет смысл проанализировать весь

этот свод с точки зрения содержащейся в нём информации, или, по крайней мере, выявить главные его составляющие и рассмотреть основные отражённые в нём концепты.

Пословицы и поговорки реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, они передают бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические народные взгляды. Главное назначение пословиц — давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение. И с этой задачей пословицы справляются весьма успешно. Их тематика поистине безгранична. Они охватывают решительно все стороны жизни человека, самые различные взаимосвязи между разными явлениями действительности.

Дадим определение понятий пословица, поговорка. В работе В.Л. Архангельского пословицы и поговорки рассматриваются как особый тип вторичных языковых знаков, включаемых в круг фразеологических единиц [5, 147].

Одной из самых заметных теоретических работ по разграничению понятий пословица и поговорка является типологическая классификация Г.А. Пермякова. В ней указывается, что «пословица – грамматически законченное (имеющее вид предложения) изречение с образной мотивировкой общего значения, т.е. требующее расширительного толкования» [41, 150]. «Поговорка – грамматически незаконченное (не составляющее предложения) изречение с образной мотивировкой общего значения» [41, 155]. Сходные определения можно встретить и в толковых словарях, а также во многих специальных статьях и исследованиях.

В толковом словаре С. И. Ожегова даётся следующее определение: «пословица – краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм» [40, 568]. Поговорка – это «краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [40, 530].

М.А. Мещерякова интерпретирует пословицу как «краткое, законченное, образное изречение обобщающего характера; поучительное жизненное наблюдение, применимое к самым различным случаям и ситуациям; малая жанровая форма фольклора» [33, 34]. Поговорка – меткое образное выражение, не заключающее в себе обобщающего смысла. Является не законченным выражением, а только его частью. Может быть частью пословицы, самостоятельным выражением, придающим речи выразительность, или заимствованием из литературного произведения» [33, 35].

Составитель знаменитого словаря русских пословиц В.Даль дает следующее определение пословицы: «пословица – коротенькая притча; сама же она говорит, что голая речь не пословица. Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Но одна речь не пословица: как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки. Вот примеры полных пословиц: «Во времени пождать, у бога есть что подать»; «Всякая рыба хороша, коли на уду пошла». Поговорка, по народному же определению, цветочек, а пословица ягодка; это верно. Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольной, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает. Она не говорит: он пьян; а скажет: «У него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он не свиснет, он закатил за ворот, он по одной половице не пройдет, он мыслете пишет» и пр. Вместо «он глуп» она говорит: «У него не все дома, одной клепки нет, он на цвету прибит, трех не перечтет; под носом взошло, а

в голове и не посеяно» и пр. Замест ровни, дружки говорит она: «Одного поля ягода, одного сукна епанча, одной руки пальцы» и пр. Выражая, например, общее понятие одиночества, поговорка различает состояние это, по всем его отношениям: «Один, как верста в поле; один, как маков цвет; один, как золотой перстень; один, как перст; один, как порох в глазу; один, как бухалень (как выпь на болоте), как медведь в берлоге» и пр.» [15,10].

В лингвистическом энциклопедическом словаре пословица определяется как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеющее форму законченного предложения, обладающее буквальным и переносным значением, или только переносным» [28, 253].

Итак, мы рассмотрели различные определения пословиц и поговорок и установили их свойства. В нашем исследовании мы будем опираться на следующие трактовки пословицы и поговорки, так как они дают предельно точное и ясное представление о данных терминах:

«Пословица – это краткое, нередко ритмизованное изречение, представляющее собой законченное предложение и выражающее определенное умозаключение» [26, 57].

«Поговорка – широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, к которым они близки по своей форме, поговорки лишены прямого поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления» [26, 57].

Главной особенностью пословицы является ее законченность и дидактическое содержание. Поговорка отличается незавершенностью умозаключения, отсутствием поучительного характера.

В настоящее время существует множество словарей, которые ставят своей целью выявить наиболее употребительные пословицы и поговорки, встречающиеся в языке; раскрыть смысл пословиц и поговорок, имеющих

переносное содержание; показать употребление их в художественной литературе. Словари пословиц и поговорок являются самостоятельной лексикографической работой наряду со словарями фразеологизмов и сборниками крылатых слов и выражений. Дело в том, что пословицы и поговорки отличаются от фразеологизмов, афоризмов, от крылатых выражений.

От фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются в структурно-семантическом отношении: «они представляют собой законченное предложение. В основе их целостного смыслового содержания лежат не понятия, а суждения. Поэтому пословицы и поговорки не могут быть носителями лексического значения, которое присуще фразеологизмам; смысл их может быть передан только предложением (нередко развернутым), тогда как значение фразеологизма передается словом или словосочетанием. Отличие пословиц от фразеологизмов состоит также в том, что пословицы могут одновременно употребляться в буквальном и в переносном значении. Пословицы, в силу своей двуплановости, а также поговорки, употребляющиеся в буквальном смысле, состоят из слов с вполне определенным самостоятельным лексическим значением, чего нельзя сказать о фразеологизмах, компоненты которых полностью или частично лишены семантической самостоятельности. Слова, входящие в состав пословиц и поговорок и выражающие наиболее существенные стороны мысли, нередко выделяются или, по крайней мере, могут быть выделены логическим ударением. Почти ни на одном из компонентов фразеологизма нельзя сделать логического ударения. Фразеологизмы, таким образом, лишены актуального членения» [25,98].

По определению Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, афоризмы – «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору и заключенные в образную, легко запоминающуюся форму» [62, 125]. Сфера появления и обращения афоризмов – литературный язык.

В отличие от крылатых выражений, пословицы и поговорки имеют народное, как уже отмечалось ранее, а не книжное происхождение. Однако, далеко не всегда удастся установить, принадлежит ли то или иное выражение определенному автору или писатель заимствовал его из народной речи.

Пословица – самоценное высказывание. Она несёт в себе безусловную истину и без применения к жизненной ситуации. Она не характеристика. Пословица не определяет лицо, действия, обстоятельства, а несёт в себе некий нравственный закон, безусловный для любого человека. Её действие распространяется не на конкретное событие, а на весь срок человеческого существования. Это народная «заповедь», которой должны следовать все люди.

Поговорка же, наоборот, высказывается для характеристики обстоятельства, человека или его поведения. Она воспринимается как реплика диалога и содержит иронию, даже сатиру.

Изучение фольклора важно для развития многих наук. К фольклору обращаются лингвисты, историки, психологи, социологи. Упорядочивание, накапливание знаний в этой области необходимо для укрепления национальной науки и культуры.

Пословицы и поговорки являются важнейшим материалом для изучения исторических событий, этнографии, быта и мировоззрения народа. Выдержав оценку временем, они органично слились с речью; всегда будут украшать ее остроумием, способностью метко и точно охарактеризовать все многообразные проявления жизни.

Сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает, как много общего имеют эти народы, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. В пословицах и поговорках отражены богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Таким образом, пословица – это краткое, нередко ритмизованное изречение, представляющее собой законченное предложение и выражающее определенное умозаключение, а поговорка – широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, к которым они близки по своей форме, поговорки лишены прямого поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления.

Главной особенностью пословицы является ее законченность и дидактическое содержание. Поговорка отличается незавершенностью умозаключения, отсутствием поучительного характера. Пословица – грамматически законченное (имеющее вид предложения) изречение, поговорка – грамматически незаконченное (не составляющее предложения) изречение.

Выводы по 1 главе

Таким образом, говоря о менталитете той или иной нации, народа, мы затрагиваем сложную, многослойную совокупность механизмов и способов действия, тесно связанных с многовековой культурой народа, ее обретенными и закрепленными способами реагирования на изменения внешнего мира, определяющими поведение нации.

Понятие менталитета включает в себя образ жизни; духовные основы народной жизни; национальный характер.

В нашем исследовании мы придерживаемся следующего определения понятия менталитет – это целостная картина мира в её ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; менталитет проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной

культуры, которая создаёт этноментальное пространство народа на данной территории его существования.

Национальный менталитет – это образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления. Национальный менталитет неразрывно связан с национальным характером, под которым понимается не только совокупность специфических, своеобразных, присущих только данному народу черт, но также своеобразный набор универсальных общечеловеческих качеств.

В нашей работе под пословицей понимается краткое, нередко ритмизованное изречение, представляющее собой законченное предложение и выражающее определенное умозаключение, под поговоркой – широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление.

Главными особенностями пословицы являются ее законченность и дидактическое содержание, а поговорка отличается незавершенностью умозаключения, отсутствием поучительного характера. В грамматическом плане пословица – законченное (имеющее вид предложения) изречение, а поговорка – незаконченное (не составляющее предложения) изречение.

Пословицы и поговорки существенным образом отличаются от фразеологизмов, афоризмов, крылатых выражений. Отличия пословиц и поговорок от фразеологизмов состоят в том, что смысл пословиц и поговорок может быть передан только предложением (нередко развернутым), а также пословицы и поговорки могут одновременно употребляться в буквальном и в переносном значении. Афоризмы – это краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору и заключенные в образную, легко запоминающуюся форму. Сфера появления и обращения афоризмов – литературный язык. Крылатые выражения имеют книжное происхождение, а не народное.

ГЛАВА 2

2.1 Понятие «терпения» и его смысловая эволюция

ТЕРПЕНИЕ модифицируется в извилах смыслов русского языка и предстает в русском языке в виде ряда разнородных предметов. В частности, имеются словосочетания, так или иначе включающие идею ликвидности, - при этом все они на самом деле указывают на различные свойства. Так, выражение «ТЕРПЕНИЕ ИССЯКЛО» говорит лишь о том, что ТЕРПЕНИЕ – это частный случай неких ресурсов, т. е. исходная связь с высохшим источником здесь вряд ли актуальна; в выражении «ИМЕЙ ХОТЬ КАПЛЮ ТЕРПЕНИЯ», очевидно, капля означает «очень малое количество». Что же касается последней капли, переполнившей «чашу ТЕРПЕНИЯ», то оно заключает в себе некий парадокс, так как капля здесь не является «квантом» ТЕРПЕНИЯ, т. е. содержимого «чаши». Сочетание «ТЕРПЕНИЕ ЛОПНУЛО» указывает на другое свойство ТЕРПЕНИЯ (внезапно кончаться, производя эффект, подобный взрыву), представляемое нашему воображению другим предметом – натянутой струной или надутым до предела воздушным шариком. Сочетание «ИСПЫТЫВАТЬ ТЕРПЕНИЕ» мотивировано, по – видимому, идеей «испытывать на прочность» некоторое техническое сооружение (например, мост или шасси у автомобиля). Наконец, ТЕРПЕНИЕ – это ресурсы, которые необходимо иметь, чтобы делать определенные вещи – соответственно, им надо запастись, его нужно иметь, оно может кончиться или его может не хватить, его можно потерять. Если дело идет очень медленно и его продвижение в большей степени зависит от обстоятельств, чем от собственных усилий, то ТЕРПЕНИЕ оказывается как бы оружием против уныния или отчаяния: «вооружись ТЕРПЕНИЕМ». Наконец, можно вывести кого – то из ТЕРПЕНИЯ, из чего следует, что ТЕРПЕНИЕ – это то культурно (сознательно)-ограниченное пространство, в котором человек обычно находится. Метафоризируемое таким образом свойство связано с имеющейся в ТЕРПЕНИИ идеей нормы – ср. другие сочетания, воспроизводящие идею «выхода за пределы»: выйти из себя, вывести из себя, выйти из строя и т. п. Все это – различные аспекты, стороны свойства того

невидимого предмета, который мы хотим представить – себе и другим. Каждое из них вырастает в свой зримый образ; какие-то из этих образов совместимы между собой, другие – нет.

По-русски понятие ТЕРПЕНИЕ применимо ко всякому, кто переносит безропотно несчастья и удары судьбы, стойчески совершает жизни путь.

Терпение входит в систему культурных ценностей русской нации, то есть в такую систему, которая является социально детерминированным типом программирования поведения: это наш способ делать дело, наш способ существовать в мире. Значимость терпения как добродетели зафиксирована разными «культурными кодами», в частности в религиозных (сакральных) и фольклорных текстах.

ТЕРПЕНИЕ – действительно православная добродетель, это слово **означает трепетное благоговение**, оно родственно словам **трепет, страх**, в славянском тексте Псалтири именно так и сказано: «Потерпи Господа», т. е. благоговей перед Ним с трепетом! ТЕРПЕНИЕМ, т. е. благоговейным трепетом, мы должны встречать все то, что посылает на нашу долю Господь. Так что действительно ТЕРПЕНИЕ и смирение спасают душу человека, но смысл этих благодатных для души добродетелей грубо извращен и изолган.

Мог ли сохраниться и сохранился ли сегодня российский «архетип» душевности и духовности, некогда выражавшийся в сострадательности, терпеливости, отзывчивости и внутренней стойкости? Возможно, терпение (смирение) как опора на самые последние свои внутренние силы не может основываться на неустойчивости, конфликте сознания, которое сегодня «расширено» свободой «переходного периода».

Терпеливое отношение русского народа к своим проблемам и трудностям – одна сторона его толерантного менталитета. Другая сторона – такое же толерантное отношение к иноплеменникам, другим нациям и народам. Россия, в отличие от Европы, сохранила все свои этносы, да и самой Европе неоднократно помогала выжить, оберегая ее границы. В русском народе слабо чувство национального эгоизма и исключительности,

ему в большей мере присуще чувство взаимопомощи, «всечеловечности» (Ф. М. Достоевский) и, следовательно, терпимого отношения к другим народам. За века своей непростой, а порой трагической истории русский народ выработал такое поражающее иностранцев качество, как терпение, жертвенное принятие трудностей во имя сохранения этнической целостности и государственности.

Терпение относится к характеру, который не раздражителен, не скучает и способен терпеть.

Терпение - это состояние морального духа, созданное сочетанием настойчивости, самоконтроля, позитивного отношения и уверенности в процессе личной воли в групповых действиях. Терпение отличается от того, чтобы быть сильным. Быть сильным часто рождается или тренируется, поэтому оно более устойчиво и относится к категории личности; а терпение не похоже на силу, которая всегда проявляется в различных ситуациях и состояниях, требующих терпения. обстоятельства, терпение - только временная стабильность.

2.2. Понятие «терпение» в контексте народной культуры (пословицы и поговорки)

В нашем исследовании считаем необходимым обратиться к таким языковым единицам, как пословицы и поговорки, так как они формируются в сознании представителей лингвокультурной общности и отражают национальную специфику концептуализации мира.

В данном разделе работы мы ставим перед собой задачу проанализировать особенности употребления в русских народных пословицах и поговорках лексической группы наименований терпения, что позволит в дальнейшем уточнить специфику русского языкового понятия "терпение".

Характерными особенностями данных языковых единиц являются лаконичность, афористический характер, смысловая емкость, структурно-семантическая завершенность, иносказательность, богатство образных ассоциаций, устойчивость и коллективность авторства, «безличность, атемпоральность предиката, ритмическая организация и зарифмованность» [Воркачѳв 1997]. Все это позволяет ярко и специфично отражать бытовую картину мира, способ концептуализации веками накопленных наблюдений и опыта, касающихся человека в его повседневной жизни.

Паремииологические единицы фиксируют наблюдения и опыт ряда поколений и позволяют проследить особенности ассоциативного механизма, который лежит в основе восприятия мира. В. И. Даль назвал пословицы квинтэссенцией народной мысли и лексики [Даль 1997: 3]. «Здесь и полный набор этнографических реалий, начиная от орудий труда и кончая нарядами, и всесторонняя характеристика географической среды с её ландшафтами, климатом, животным и растительным миром; здесь и воспоминания давно минувших событий и выдающихся исторических личностей, отзвуки древнейших религиозных воззрений и подробная картина современной организации общества» [Пермяков 1998: 19]

Паремии, как известно, обладают «свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности» [Черкасский 1978: 36], она «обобщает опыт жизни народа, оформляя его в виде определённых правил» [Тарланов 1999:32], поэтому трудно переоценить значение паремии для лингвокультурологических исследований, для изучения языковой картины мира и ментальности народа. Любой лингвистический анализ пословиц и поговорок даёт нам выход к архетипам языкового сознания, к национальному мировоззрению и аксиологии, зафиксированным в языке.

М. А. Шолохов отмечал: «Величайшее богатство народа - его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища

человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах. Меткий и образный русский язык особенно богат пословицами. Их тысячи, десятки тысяч! Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость».

У Даля есть отдельный тематический раздел «Терпение – надежда», что говорит о значимости данной темы для русского народа и его картины мира. Пословицы данного раздела можно разделить на несколько групп. Первая группа (I) – пословицы *о терпении* религиозной направленности. Мы уже отмечали, что *терпение* является одной из основных добродетелей русского народа. Это подтверждают следующие выражения: за терпенье Бог дает спасенье; терпенью - спасенье; без терпенья нет спасенья; терпенье лучше спасенья. Пословицы отсылают к библейским сюжетам о терпении Спасителя: *Бог терпел, да и нам велел, Христос терпел, да и нам велел.* Христу пришлось терпеть невыносимую боль ради человечества. Христианин должен терпеть испытания, не жалуясь. Тогда терпение становится спасением: не потерпев — не спасешься.

В русском языковом сознании присутствует восприятие *терпения* как некоего положительного свойства, необходимого человеку: *терпенье* исподволь своё возьмет. Работай — сыт будешь; молись — спасешься; *терпи* — взмилуются. Таким образом, вторую группу (II) составляют пословицы, в которых отражается представление о том, что *терпение* – это качество, которое помогает человеку, позволяет ему двигаться вперед, открывать для себя что-то новое, совершенствоваться: *Терпенье и труд все перетрут; терпи, казак, атаманом будешь; терпя, в люди выходят; обтерпимся, и мы люди будем; терпенье дает уменье, без терпенья нет ученья, без терпенья нет уменья, к большому терпенью придет и уменье,*

терпи горе: пей мед. Терпение помогает бороться с трудностями. Умение *терпеть* – это ценное качество: кто умен, тот умеет и безвременье терпеть. В данном контексте *терпению* родственны семы «упорство, настойчивость, трудолюбие».

Встречаются пословицы, где *терпение* противопоставляется борьбе, физической силе, желанию действовать немедленно: *иное зло и терпеньем одолеть можно; не везде сила: где уменье, а где терпенье*.

Следующую группу (III) представляют пословицы, где *терпение* сопоставляется с любовью: *стерпится, слюбится; от того терплю, кого люблю*. Здесь оно выступает как умение прощать, принять другого человека.

Однако *терпенье* – это очень тяжелое испытание: *терпя*, и камень треснет; *терпя*, и горшок надсядется, молчан-собака (не лающая) – да и та, *терпя*, вавкнет. Поэтому не каждый готов к *долготерпению* – данная репрезентация концепта активно используется как в сакральной, так и в профанной бытовой сферах. Поэтому *терпенье* бывает разным, имеет предел, ресурс *терпения* может иссякнуть: «*Истерлись мы, не стало терпения*»; «*дотерпелись донельзя*»; «*всякому терпенью мера*»; «*никакого терпенья нет, нельзя терпеть*». И есть ситуации, когда *терпеть* просто невозможно: «*Лучше пропасть, чем терпеть злую напасть*»; «*тут и у святого терпенье лопнет*». А ведь *терпение* святого – это *терпение* Христа, ангельское *терпение*, то есть необыкновенное. И только «*бумага все терпит*», а человек все-таки не может *терпеть* всего.

Но *терпенью* можно и нужно научиться, привыкнуть к такому состоянию: во все *втерпишься; обтерпишься*, и в аду ничего; у кузнеца рука к огню *притерпелась*; *стерпится, слюбится, лихо терпеть, а оттерпится* – слюбится.

Терпение противопоставляется желаниям человека, из чего следует, что это вынужденное состояние: *на хотенье есть терпенье, тот терпелив быть не может, кто воли (желаний) своей не переможет*.

Немало пословиц, указывающих на **временную** характеристику *терпения*: *терпи горе неделю, а царствуй год, час терпеть, а век жить*. Такие пословицы подбадривают, отмечая, что *терпеть* нужно относительно короткий период; хотя в пословицах указываются и различные сроки *терпения* (в зависимости от субъекта): *терпит брага долго, а через край пойдет - не уймешь; русский терпелив до зачина. Терпи, голова, в кости скована (голове вечно терпеть)*.

Но: *терпеть* это не беда, было бы чего ждать; погодить - не устать, было б *потерпежное* (плата за терпение). У *терпения* обязательно должен быть конец. *Терпеть* стойко невзгоды можно только с верой в лучшее: *оттерпимся* - до чего-нибудь *дотерпимся*; *оттерпимся* - и мы люди будем.

Таким образом, в русских пословицах и поговорках понятие «*терпение*» в основном реализуется в значении: 'стойко, мужественно переносить невзгоды в ожидании каких-нибудь результатов, надежды на лучшее'. Употребление понятия характеризует особое восприятие действительности русскими людьми, полярную жизненную позицию, основанную, с одной стороны, на смирении, безропотном преодолении невзгод, но, с другой стороны, присутствуют настойчивость, упорство, стремление добиваться цели, надежда на лучшее.

У каждого народа есть определенная степень выносливости, но способность россиян переносить большие трудности и страдания удивительна, как отмечает литературный критик Н. А. Добролюбов: «Только русские обладают такой удивительной выносливостью, и только они способны жить мирно даже после сильной боли ".¹¹

Терпение - одна из самых характерных черт русской нации, «в каком-то смысле это основа нашего (русского) характера». ¹²

Таким образом, значение терпения в русских пословицах очень богато. В религиозном духе вы будете спасены, если перенесете страдания и не

будете жаловаться. Для человечества Христос должен вынести невыносимую боль. Чтобы приблизиться к Богу, каждый верующий должен испытать хотя бы небольшую порцию невыносимых пыток в жизни, и он будет спасен, если не будет жаловаться; терпение имеет положительный аспект для людей, оно может помочь нам смело переносить невзгоды • Настойчиво идти вперед, с надеждой, надеясь получить лучший результат, и стремиться к достижению цели, настойчиво и настойчиво. Терпение - отличная черта человека, не бросать и не сдаваться; но терпение также имеет свои ограничения. В любви терпение - тяжелое испытание. Люди, которые могут терпеть, будут уставать и истощены. Не все могут терпеть это все время .

Заключение

Национальный характер - это абстрактное обобщение всех характеристик нации с общими культурными традициями. Это примерно фиксированный образец характера, который большинство людей в стране или нации демонстрируют в своих мыслях, чувствах и поведении. Личность - решающий фактор успеха и развития человека. Для нации национальный характер - важный фактор, определяющий судьбу нации. В то же время это самая сложная, но и самая основная проблема культурных отношений. В условиях сегодняшней цивилизационной глобализации понимание характеристик нации похоже на получение ключа к жизни и истории этой нации, и это играет важную роль в культурных обменах.

Язык - важная часть культуры, в языке любого народа пословицы и поговорки являются наиболее активной, яркой и жизненно важной частью. Благодаря своему глубокому значению, лаконичности и лаконичности, долгой истории и другим характеристикам пословицы и поговорки стали наиболее надежным и эффективным источником данных для изучения характеристик нации.

Таким образом, в русских пословицах понятие «терпение» в основном реализуется в значении: 'стойко, мужественно переносить невзгоды в

ожидании каких-нибудь результатов, надежды на лучшее'. Это характеризует особое восприятие действительности русскими людьми, биполярную жизненную позицию, основанную, с одной стороны, на смирении, безропотном преодолении невзгод, но, с другой стороны, присутствуют настойчивость, упорство, стремление добиваться цели, надежда на лучшее.

Все нации в мире равны. У каждой нации есть свои особенности, сильные и слабые стороны. Поэтому мы должны мирно сосуществовать, встречаться на равных, учиться друг у друга и терпеть друг друга.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 250 с.
2. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 237-270.
3. Бао Хун. Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках / Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 305-310.
4. Бердяев Н.А. Душа России / Собрание сочинений. Н.А.Бердяев. – <http://www.vehi.net/berdyaev>.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.– М.: Высшая школа, 1979. – 250 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Издательство Эксмо, Изд-во ННН, 2003. – 616 с.
7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1998. – 544 с.

8. Маслова В.Л. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
9. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно-маркированной семантикой в системе русской речи / Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 63-68.
10. Мокиенко В.М. Учебная идеография и учебная фразеология / Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Просвещение, 1984. – 252 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
12. Полубиченко Л.В., Егорова О.А. Традиционные формулы народной сказки как отражение национального менталитета // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №1 – С. 7-22.
13. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
14. Снегирёв И.М. Обзорение пословиц / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю.Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 133-140.
15. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление. Словообразование, этимология / И.М.. Баш, А.В. Бобров и др. – М.: Цитадель-трейд, 2003. – 960 с.
16. Телия В.Н Русская фразеология в зеркале национального менталитета (от мировидения к миропониманию) / Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 238-269.
17. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 264 с.

18. Тер-Минасова С.Г. Личность и коллектив в языках и культурах // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2 – С. 7-28.
19. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. – М: Наука, 1990. – 250 с.
20. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
21. Шевырёв С.П. Пословицы русского народа / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю.Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003. – С.148-149.